

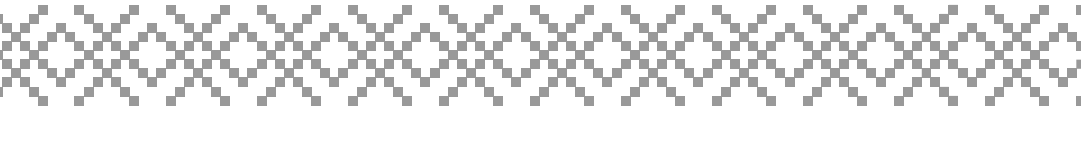
БЛИЗЯВСТА ДВОРЪЦКАЯ

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Δ24

Иллюстрация на переплете *Юлии Толстоусовой*

Внутренние иллюстрации *Михаила Иванова*

Дворецкая, Елизавета.

Δ24 Огненный волк / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 592 с. : ил.

ISBN 978-5-04-169390-9

Огнеяр, сын княгини Добровзоры, родился оборотнем. Князь Неизмир, его отчим, всю жизнь боится и ненавидит пасынка. Он посылает своего младшего брата Светла на поиск волшебного оружия — рогатины из небесного железа по прозвищу Оборотнева Смерть...

Обидевшись на весь человеческий род, который не признает его своим, Огнеяр уходит жить к волкам. Единственное, что привязывает его к людям, — любовь к матери и девушке из лесного рода Вешничей, Милаве.

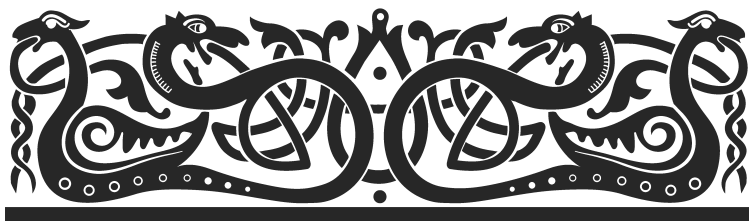
Полузверь-полубог, Огнеяр напряженно ищет свое место среди людей. А ведь он еще не знает, для чего Велес послал своего сына в мир людей...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169390-9

© Дворецкая Е., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

ГЛАВА 1

Осень доживала последние дни — вот-вот выпадет первый снег, замостит дорогу Зимерзле. Было раннее утро, сумерки едва начали рассеиваться, с неохотой уступая земной мир скупому осеннему свету.

Чуроборский князь Неизмир стоял на верхней площадке крепостной стены и смотрел вниз, во внутренний двор детинца. Там перед раскрытыми воротами конюшен сновали люди, ржали кони, звенели железом оружие и упряжь — дружина княжича Огнеяра собиралась на охоту. Весь Чуробор еще спал, даже на посаде виделось всего два-три дымка из печек самых усердных хозяек. Но дружине княжича не было дела до покоя чуроборцев. Собираясь, они громко спорили о предстоящей добыче, покрикивали на челядь, хохотали. Князь Неизмир кутался в теплый плащ из толстой шерсти, наброшенный поверх кафтана на соболях, и все-таки ему было холодно. Шапки он не взял, и стылый ветер шевелил его полуседые волосы. Ему было всего сорок шесть лет, но он чувствовал себя старым и больным. Особенно когда видел княжича или просто думал о нем. А о пасынке князь Неизмир думал постоянно.

Внизу резко скрипнула дверь. Отроки во дворе дружно закричали, взвыли по-волчьи. Князь невольно содрогнулся, хотя и был к этому привычен. Огнеярову дружину так и звали в Чуроборе — Стая.

На крыльце показался сам Огнеяр, на ходу оправляя широкий кожаный пояс, туго затянутый вокруг крепкого стана поверх накидки из косматого волчьего меха. Он был среднего роста и не поражал могучим сложением, но в каждом его движении видны были сила и истинно звериная ловкость. Длинные черные волосы княжича вольно раскинулись по плечам, шапок он не признавал, да и гребней не любил. В Чуроборе его прозвали Дивием¹, и он даже гордился этим прозвищем.

Вскинув ладони ко рту, Огнеяр протяжно завыл, затянул охотничью песню волка-вожака. На обоих его запястьях блестели широкие серебряные браслеты, серебряные бляшки покрывали пояс, серебряными накладками были усажены ножны охотничьего ножа. Вместо меча, приличного воину, за пояс Огнеяра была заткнута рукоять боевого топора с серебряной насечкой на обухе.

Отроки радостно завывали вслед за вожаком, самые молодые даже заскудили, как волки-перейарки, в азартном предвкушении большой добычи. Кони во дворе и в конюшнях тревожно заржали, по всему детинцу и даже на посаде залаяли собаки. Неизмир ненавидел шум, сопутствующий всем Огнеяровым развлечениям, но был благодарен судьбе хотя бы за то, что из-за пристрастия пасынка к лесам он не так уж часто видит его дома.

Один из отроков подвел Огнеяру коня, и княжич прямо с крыльца вскочил в седло. Его любимый серый жеребец Похвист грыз удила и переступал копытами — рвался в дорогу. Дворовая челядь поспешно растворяла ворота. Отроки вскакивали в седла — все как один в плащах из серой шерсти поверх волчьих накидок, все без шапок, с длинными волосами, у кого связанными в хвост, у кого перехваченными тесемкой через лоб, у кого, как у княжича, распущенными вольно — от глаз ветром отдует. Издалека они все казались одинаковыми, но князь быстро выбрал взглядом одного. Круглолицый русоволосый парень с густыми черными бровями выпрямился в седле, словно почувствовал взгляд Неизмира, но не

¹ Д и в и й — «дикий».

ГЛАВА I

обернулся. И князь торопливо отвернулся, боясь взглянуть все дело. От этого парня сейчас зависело слишком многое. Может быть, сама судьба князя Неизмира.

Рывком послав жеребца вперед, Огняр первым вылетел со двора. Отроки плотным косяком поскакали за ним. Неизмир проводил глазами Огняра, с соколиной цепкостью сидящего в седле. Хвост жеребца мелькнул в воротах, грохот копыт прозвучал по мощенным деревянными плахами улочкам детинца и затих возле посадских ворот. Стая умчалась. А князь Неизмир еще некоторое время постоял на забороле, глядя на улицу за воротами, словно хотел навсегда запомнить отъезд Стаи. Он надеялся, что сегодня видел это в последний раз.

С оглушительным топотом и свистом дружина Огняра промчалась по детинцу и посадку — воротники едва успевали давать им дорогу, — вылетела из Чуробора и поскакала по замерзшей грязи в сторону темнеющего леса. Разбуженные шумом чуроборцы осенялись знаком огня и облегченно вздыхали. Теперь княжича и его шальной Стаи не будет несколько дней, а то и недель. И многие, подобно князю Неизмиру, желали бы больше никогда его не видеть.

— Не в добрый час княжич на лов собрался! — говорили воротники, провожая глазами улетающую Стаю. — Ведь ныне Лешачий день — вся нечисть лесная так и хороводится!

— Вот ему там и самое место! — отвечали им другие. — Где нечисть, там и он. Хоть бы ему там голову свою дурную сломить!

— Поберегись! К живому-то мы уж приладились, на дороге не зевай — и не затопчет. А вот что он мертвым станет творить?

Ответить на этот вопрос не взялся бы ни один чародей. Собеседники умолкали, осеняя голову знаком огня и держась каждый за свой оберег. Все-таки на сердце было легче при мысли, что в ближайшее время Серебряного Волка не будет в Чуроборе.

Княжич Огняр был оборотнем, рожденным княжной Добровзорой от Огненного Змея. Не все в это верили, но князь Неизмир знал, что это правда. Двадцать лет назад все случилось у него на глазах. Был сумрачный вечер месяца капельника, но вся капель уже замерзла, прихваченная холодом подступающей ночи. Княжна

с подругами гуляла по берегу Белезени и уже направлялась домой. Неизмир, тогда еще молодой сотник в дружине князя Гордеслава, с десятком отроков провожал княжну. Вдруг земля дрогнула под ногами, резко свистнул холодный ветер, и из-под обрывистого берега вылетел огненный шар. Истошно закричали женщины, отроки по привычке схватились за оружие, но руки-ноги у всех онемели, никто не мог даже двинуться. Огненный шар развернулся и принял очертания летящего Змея. Молнией Змей пал на застывшую в ужасе княжну и поглотил ее, завертел в столбе ослепительного пламени, а потом мгновенно рассыпался искрами и исчез. Княжна осталась лежать замертво на сыром холодном берегу среди полурастаявшего снега. Все произошло так быстро, что случайные свидетели даже не все успели обернуться на крики. Но тем, кто стоял рядом, казалось, что этот ужас длился нескончаемо долго.

Княжну не чаяли найти живой, но она дышала, только очень тихо. Три дня и три ночи она оставалась без памяти, металась, рвала на себе рубаху и бессознательно просила воды, льда, снега. Ее сжигало подземное пламя, и ни лед, ни самая холодная ключевая вода не могли облегчить ее жажды. Ведуны и чародеи не знали, как ей помочь, и сами побаивались с ней оставаться. Волхвы уже стали поговаривать, что Велес требует княжну в жертву, предрекали беды. Князь Гордеслав наполовину поседел за эти три дня. А на четвертое утро княжна пришла в себя и постепенно поправилась. Но никому и никогда она не сказала ни единого слова о том, что было с ней внутри огненного столба.

А через пару месяцев обнаружилось, что она ждет ребенка. Сначала об этом зашептали женщины княжьего двора, потом заговорил весь Чуробор. Не все верили, что ребенка дал княжне Огненный Змей. А князь Гордеслав не знал, как было бы лучше — окажись отцом Велес или попросту кто-нибудь из молодых чуроборских витязей, хоть тот же Неизмир, открыто восхищавшийся красавицей Добровзорой. Но сам-то Неизмир знал, что он здесь ни при чем.

Младенец родился в зимний Велесов день, завершающий новогодние праздники. Взяв дитя в руки, бабка-повитуха вдруг охнула

ГЛАВА I

и чуть не выронила — вдоль его спинки тянулась полоска серой шерсти, мокрой, нежной, тонкой, как у новорожденного щенка. Или волчонка.

И тут уж всем стало ясно, что среди молодых витязей виновного искать нечего.

В Чуробор призвали самого мудрого из волхвов-прорицателей всех лебрических земель, прозванного Двоеумом. Он долго смотрел в воду перед огнем со священными травами, накалил в пламени клинок ножа и читал на нем знаки, невидимые обычному взору.

— Сам бог Велес, Подземный Хозяин, явился твоей дочери Огненным Змеем, — наконец сказал он Гордеславу. — Послал Велес в мир земной своего сына и твой род избрал для него. И вижу я в знаках Огня, что непроста будет его судьба. Послал его Велес не впустую, есть у него назначение — принести смерть одному из властителей мира земного. А кому — того не открыли мне боги. Вижу я, что здесь битва богов продолжается, битва Перуна и Велеса. Более ничего не открыто мне.

Рождение Огнеяра вызвало много толков в Чуроборе, во всех лебрических землях и со временем во всех говорлинских племенах, куда слухи доставлялись вездесущими торговыми гостями. Многие склонялись к мысли, что младенца следует если не пустить по водам на волю его отца-Велеса, то, по крайней мере, отдать на воспитание в святилище, где он опять же служил бы своему божественному отцу. Но княжна Добровзора с самого рождения полюбила сына больше всего на свете и не желала расставаться с ним, а князь Гордеслав не мог огорчить свою дочь и единственную наследницу.

Через полгода после рождения внука князь Гордеслав выдал дочь за Неизмира, и тот стал наследником чуроборского стола. Неизмир происходил из знатного воеводского рода, из числа его предков лебричи неоднократно избирали себе воевод, и он был достойной парой Добровзоре. Но любила она другого человека, и Неизмир знал, что почетным жребием обязан только Огнеяру. Вернее, его появлению на свет, после чего женихи отшатнулись от красавицы Добровзоры — соперничать с Велесом никто не хотел.

В год смерти деда Огнеяру было всего шесть лет, и никто еще не знал, что из него получится. Оборотни и подменьши не живут долго, и люди ждали, что сын княгини умрет, не дожив и до семи лет. Но он жил, словно назло общему толку, рос здоровым и крепким, смелым и задиристым. В детских потасовках, а потом в подростковых воинских учениях он побивал не только всех сверстников, но и противников старше себя. Он был азартен, ловок, неутомим, настойчив до упрямства, свободолюбив и непокорен. Отчима он не ставил почти ни во что, и только мягкосердечной и ласковой княгине удавалось поддерживать мир между сыном и мужем. Кроме матери Огнеяр уважал только деда Гордеслава, а после его смерти очень чтил его память. Для посвящения в воины отчим заказал для него меч, но от меча Огнеяр отказался и потребовал дедову секиру. С тех пор он не расставался со своим оружием, и вид его каждый день заново напоминал Неизмиру о неповиновении пасынка. В этом он видел прямое неуважение к себе, но молчал, не изливая недовольства даже перед женой. С самого детства в глазах Огнеяра был заметен багровый отблеск Подземного Пламени, противного Небесному Огню. Каждый, кому хоть раз случалось заглянуть в глаза сыну Велеса, уносил в сердце трепет и страх перед его полубожественной-полузвериной мощью. Даже князь Неизмир.

У княжеской четы не было другого потомства — видно, Велесово пламя выжгло Добровзору и больше иметь детей она не могла. Как видно, Велес не хотел, чтобы у его сына были братья. Вся страсть материнской любви княгини была отдана единственному сыну, так что даже на долю мужа в ее сердце оставалось не много места. И это было еще одной причиной, мешавшей Неизмиру питать к пасынку добрые чувства. Двадцать лет он жил под одной крышей с Огнеяром, скрывая страх, замечал красные отсветы в его глазах. И двадцать лет он думал, не его ли жизнь пришел оборвать сын Велеса. Этот страх лишал князя всех радостей жизни, сделала саму жизнь невыносимой. И вот сегодня, проводив пасынка на охоту, Неизмир надеялся, что этому придет конец.

ГЛАВА I

* * *

Выехав в поле, Огнеярова Стая прекратила свист и вой — зачем пугать дичь раньше времени. Сам Огнеяр скакал впереди, выбирая дорогу, и никто из отроков не давал советов и не приставал с вопросами. Вожак во всем разберется сам. Огнеяр с удовольствием подставлял лицо свежему, прохладному ветру, жадно вдыхал запахи инея на ветках, прелой листвы, еловой хвои. Пришла наиболее им любимая пора года — предзимье, время первого снега, когда так хорошо видны следы. Земля теперь заговорит в полный голос — где проскакала молодая куница, где прошел старый кабан. Но до поры глубокого снега, по которому не побегаешь, еще далеко, и все дороги открыты перед тобой — лети куда глаза глядят. Зима раскрывала белый свет на все четыре стороны, на все семьдесят ветров. В эту пору Огнеяра почти не видали дома. Между белым снегом и темным небом он чувствовал себя свободным и сильным. И сейчас, предчувствуя близкий снегопад, Огнеяр готов был выть от восторга, гнать и гнать жеребца без остановки до самого края света.

Возле дубравы Огнеяр придержал коня, повернулся по ветру, незаметно для взгляда потянул ноздрями. Чуткости его нюха мог бы позавидовать настоящий волк. Воздух для него был соткан из десятков и сотен запахов, и каждый он с легкостью читал, как умелая вышивальщица читает священный узор. Из дубравы явственно несло густым, теплым, дразнящим запахом кабанов. Огнеяр различал запахи, как ветки в банном венике, знал, сколько здесь кабанов и какие они — охота обещалась славная. Вот и следы, хорошо заметные на подмерзшей грязи. Взмахом руки Огнеяр послал свою Стаю в обход дубравы. Каждый отлично знал свое место и свою задачу.

Растянувшись редкой цепью, Стая охватила дубраву полукольцом, и по данному знаку два десятка молодых волков взвыли за деревьями. Не то что кабаны — настоящие волки не отличали голоса Огнеяровых отроков от голосов своих братьев. Выпевая охотничью песню, отроки шли через дубраву, а впереди них ломилось перепуганное стадо, наевшееся желудей, — прямо на рогатины оставшегося десятка, где был и сам Огнеяр.

Огненный волк

Вдруг из глубины послышался голос одного из загоняющих:

— Братцы, медведь!

— Берлога! — закричали другие. — Медведя подняли!

Огнеяру уже не нужны были слова — в порыве ветра со стороны рощи он и сам уловил запах взрослого, сильного медведя. В досаде Огнеяр закусил нижнюю губу — этого он не ждал. Бобер глупый, да вон же затес на стволе — а ростом Хозяин на две головы повыше тебя, Дивий, вон куда достал!

Из рощи слышались треск веток, рычание зверя, разгневанного нарушением его первого предзимнего сна. Только-только он нашел себе уютное местечко, сгреб мягкую охапку листвы и веток, залег и мирно задремал, дожидаясь теплого снежного одеяла, а тут нá тебе! Свирепо рыча, медведь ломился к опушке, туда, куда его невольно погнали загонщики.

Отроки на опушке изготовили рогадины, но Огнеяр резко махнул рукой.

— Не тронь! Назад все! К лошадям! — крикнул он, и отроки отошли ему за спину, к лошадям, привязанным в нескольких десятках шагов от опушки.

Кто-то протянул ему рукоять рогадины, но княжич отмахнулся: не надо.

Медведь вырвался на опушку. На задних лапах он был выше на голову даже Тополя, самого рослого из Огнеяровых отроков. На опушке он ненадолго остановился, приняюхиваясь. В нос ему бил запах кабанов, коней, людей и волков. Со сна он был зол, а соображал плохо. Зажатый между врагами позади и впереди, медведь собирался драться за свою жизнь. Одно движение — и он яростно ринется напролом, не разбирая дороги и круша всех на своем пути.

Но сейчас перед его подслеповатыми глазками был всего один противник. Из оружия с Огнеяром был только нож в посеребренных ножнах.

Тот, кого князь Неизмир провожал глазами, подумал, что, может быть, Лесной Хозяин избавит его от хлопот. Медведь силен и зол — без рогадины против него не устоять.

ГЛАВА I

Ожидая медведя, Огняр подобрался, в нем проснулась его звериная сущность — он стал смотреть как зверь и думать как зверь. Волк и медведь — не враги, двоюродные братья по деду Велесу, близкая лесная родня. Огняру не нужна была смерть Лесного Хозяина, и он хотел попробовать договориться.

Из горла его вырвалось глухое рычание. Медведь повернулся к Огняру. Он видел плохо, а в нос ему бил резкий запах волка. Огняр смотрел прямо в маленькие медвежьи глазки, взор его загорелся красным. И медведь увидел на его месте не человека, а волка — молодого сильного волка с гладкой серой шерстью и крепкими зубами. «Не сердись, хозяин, — уловил он в тихом рычанье и удивился — далеко не всякий волк мог говорить по-медвежьи. — Я не на тебя охотился. Не знал, что ты тут зимуешь».

«Не учуял — нос заложило? — гневно прорычал медведь, готовясь ударом когтистой тяжелой лапы отбить прыжок. — Вот подойди только!»

«Кабаны запах перебили. Я не со злом. Я уйду. Спи себе».

«А ты потом опять явишься со своей стаей? Когда я спать буду?»

Медведь угрожающе подался к Огняру. Отроки стиснули рукояти рогатин, но не двинулись с места.

«Велесом клянусь — не приду. Будь мне другом».

Злоба в глазах медведя погасла. Он услышал Слово, которому не мог не подчиниться. Став опять на четыре лапы, он повернулся и скрылся в чаше.

«Договорились», — с облегчением подумали отроки. И никого это не удивило — многие видели и не то. Сын покровителя лесных зверей понимал языки всех звериных и птичьих племен и на многих мог говорить сам. В Чуроборе любили поболтать о том, что, дескать, на ловах княжич всю свою дружину превращает в волков или соколов, но это была неправда. Превращать людей в зверей Огняр не умел. Однако, если кого-то из его отроков об этом спрашивали, никто не спешил опровергать эти толки. Утреч, мастер поговорить, сочинял такие басни, что слушатели его раскрывали